

Василий Попок
Виталий Крёков

// Кузбасс. - 2013. - № 99. - 8 июня. - С.3.

Среди кемеровских литераторов он наособицу. Все они городские, да и не в первом поколении, обинтеллигентившиеся, привыкшие к конторскому пёрышку с бумагой, а он явно не тутошний. Подкемеровская деревенька так и называется по родове – Крёково. Но, конечно, уже тоже не вполне сельский. Пригородный. Деревня пришла в город и облепила его всякими «шанхаями» да «нахаловками». Ещё не город, но уже и не село. «Наша бедность граничила с Богом», – напишет он самую свою знаменитую строчку про сиротскую жизнь, которая его окружала. И, если честно, окружает по сей день. На голове у Крёкова русого цвета ни волосинки, бел, как ковыль, мужик. Но открыт и простодушен, словно отрок. Всегда был таким. По специальности, давным-давно полученной в строительной школе, он – печник. Полезный работник для деревни или городской окраины, не отвыкшей от естественной, не искорёженной ленивым благоустройством жизни. Наверное, ремесло это подвигает к особой открытости – только искренний человек умеет подарить людям тепло. В прямом – печном – и переносном – человечьем – смыслах.

Наша бедность граничила с Богом...

Память сердца всегда дорога.

За сухим ископыченным логом

На закате темнели стога.

Вот и сумерки встали стеною:

Резкий блеск одиноких огней,

И пастух одинокий в ночное

Гонит за день уставших коней.

Наша бедность... В бурьяне избушка

Да ведро над печною трубой,

Много неба и хлеба горбушка

В летний день с родниковой водой.

Одуванчиков жёлтых обнова,

На прополке картофеля мать...

Неустанно, как доброе слово,

Хорошо это всё вспоминать.

Мы знакомы страшно много лет. Помню молодой шахтёрский город и серую пятиэтажку на окраине тайги. Пьём весёлое красное винцо и сватаем за Виталия девушку Нину – фельдшерицу из шахтового медпункта. Красивая – полнотелая, уютная. Крёкову нравится Нина. А он ей нет. Она уходит, и Виталий рыдает безутешно, в голос – по-младенчески. Он такой всегда – без хитростей и умолчаний. Он прост в жизни. Неблагоразум и не-скопидом. И столь же наивно талантлив в литературе.

В тот год озимые хлеба
Тучнели. В травах вязли косы.
И были круче облака,
Свежее ливневые грозы.
И лес был полон серебра
И золота листвы щемящей.
Там с вечера и до утра
Цветы дышали в светлой чаше.
И к человеку строгий дух,
Как торжество счастливой веры,
Шёл зоркость укрепить и слух,
Чтоб жизнь высокой мерой мерить.

Последние годы, пока не обезножел и не ослабел зрением от вредной болезни, Крёков строил «новым русским» каминьки. Хитрыми эти людишки оказались и всегда Виталия обманывали – то недоплатят, то вообще не заплатят за труд. Но он обиды не держал, только посмеивался. За длинную свою литературную жизнь Виталий выпустил четыре тонких книжки стихов и нетолстую книжку прозы со странным названием – «Воспитание кривых брёвен». Замечательные, на мой вкус. Пусть и не отмеченные никакими премиями. Даже иногда как бы косноязычие, непопадание в лад и размер, не во вред этим стихам и этой прозе. Замечу, что его рассказы и повести, которые не в стихах, это та же поэзия, только другим слогом. Крёков – поэт, что бы он ни творил. Эдакая свирель-ка из черёмуховой коры, и простодушно босоногий и юный апостол из пастухов подбирает на ней мелодию. Без нот и без затей. По слуху – чуткому, как у лани. У штатных городских литераторов как бы отличительный признак – борода. Только зайдите в литераторский дом. Потому что нынче в моде патриотизм и так они подчёркивают свою русскость. Так сказать, кряжистую кондовость и исконную посконность. Крёкову ничего подчёркивать не надо. Он – сам Россия. Или даже так: РАСЕЯ. Сушья, Божья правда его строки:

За плечами моими страну
Встали люди, любимые мною.
Те, чьи души – живая водица,
Дорогие, смиренные лица...